

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №1, Том 12 / 2021, No 1, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK121.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Марьина О.В., Островских И.Н. Традиции святочного рассказа в произведении К.Г. Паустовского «Старик в потертой шинели»: сравнительно-сопоставительный анализ // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK121.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Maryina O.V., Ostrovskikh I.N. (2021). Traditions of the Yuletide story in the work of K.G. Paustovsky «An Old Man in a shabby overcoat»: comparative analysis. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(12). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK121.pdf> (in Russian)

Марьина Ольга Викторовна

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», Барнаул, Россия

Профессор кафедры «Общего и русского языкознания»

Доктор филологических наук, доцент

E-mail: marina_olvik@mail.ru

Островских Ирина Николаевна

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», Барнаул, Россия

Доцент кафедры «Литературы»

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: irina.ostro@yandex.ru

Традиции святочного рассказа в произведении К.Г. Паустовского «Старик в потертой шинели»: сравнительно-сопоставительный анализ

Аннотация. В настоящей статье на основе сравнительно-сопоставительного анализа рассматриваются традиции святочного рассказа в произведении К.Г. Паустовского «Старик в потертой шинели». С целью выявления традиций святочного рассказа была проведена работа, состоящая из нескольких этапов: определено отличие жанра святочного рассказа от жанра рождественского рассказа. Анализ теоретического материала позволил установить, что рассказ К.Г. Паустовского может быть отнесен именно к жанру святочного рассказа: ведущая идейная составляющая святочного рассказа – земное преображение, изменение жизни героев. В ходе исследования мы сравнили образ Ленина, созданного в художественных произведениях, написанных ранее анализируемого текста, с образом, раскрываемым в рассказе К.Г. Паустовского и других его художественных текстах: светское изображение трансформируется в сакральное, наделяется религиозным смыслом. В работе была сопоставлена традиционная модель святочного рассказа с жанровой моделью рассказа «Старик в потертой шинели». В ходе проведенного исследования были определены составляющие модели, которых коснулась трансформация: время действия (нет точного упоминания времени, добавляется летнее время), явление чуда (чудо связано не столько со спасением, но и с обретением надежды, уверенности в завтрашнем дне), имена собственные (значимыми являются имена не только главных действующих лиц, но и второстепенных героев). Сравнительный анализ фактического материала позволяет прийти к выводу, что трансформации не коснулась такая составляющая жанра святочного рассказа, как портреты (иконы-портреты) – они появляются в прозаических и поэтических текстах, созданных до рассказа К.Г. Паустовского, и в анализируемом тексте.

Ключевые слова: традиции святочного рассказа; сакрализация образа Ленина; имена собственные; концепт «чудо»; мотив преображения; портреты; тип повествования

Актуальность обращения к исследованию традиций святочного рассказа в произведении К.Г. Паустовского «Старик в потертой шинели» (1956 г.) обусловлена рядом причин. Во-первых, на основе материала данного текста не исследовались составляющие жанра святочного рассказа. Стоит отметить, что анализируемое произведение вообще обделено вниманием литературоведов и лингвистов, несмотря на то, что творчество писателя (рассказы и новеллы, статьи и эпистолярное наследие), относящееся к 1950-м–1960-м гг., не раз становилось предметом изучения (работы Н.А. Жаринова [1], Ю.А. Сухоруковой и Н.П. Хрящевой [2] и др.). Во-вторых, произведение, написанное в середине XX века, позволяет проследить трансформацию жанра святочного рассказа. В-третьих, «Старик в потертой шинели» продолжает традиции сакрализации образа Ленина в советской литературе. С целью выявления традиций анализируемый текст соотносится с ранее созданными произведениями других авторов, где одним из центральных образов является образ Ленина, и текстами самого К. Паустовского.

Пристальное внимание на феномен святочного рассказа отечественная филологическая наука обратила лишь в последние десятилетия. О специфике жанра в современном литературоведении существуют многочисленные исследования: фундаментальная монография Е.В. Душечкиной [3], посвященная становлению жанра в русской литературе (от XVII до XX века), его связи с европейской традицией; труды Н.Н. Старыгиной [4], в которых рассматривается не только жанровое своеобразие святочного рассказа, но и традиционная для него система мотивов; работы лингвиста Е.И. Туйгильдиной [5; 6], в которых анализируется жанр с точки зрения концептосферы, выразительных средств языка, способов номинации персонажей и др. В исследованиях последних десятилетий рождаются «поджанры» рождественского и святочного рассказа (статьи Т.Н. Козиной [7], Ю.М. Прохоровой [8], Л.Г. Александровой [9]). Практически ежемесячно в различных научных источниках появляются статьи, посвященные жанру, объектом и материалом исследования в которых становятся главным образом классические тексты Н. Лескова, П. Засодимского, А. Чехова, М. Горького, А. Куприна, реже – авторов Серебряного века и современных писателей (статья Ю.Ю. Даниленко [10]). При этом лишь в немногих работах жанровые составляющие святочного рассказа выявляются в литературе советского периода, т. н. «социалистическом реализме».

Так, И. Гибизова и О. Кравчук подчеркивают: «После Октябрьской революции популярность жанра, по крайней мере в России, потихоньку сошла на нет. Что неудивительно: раз запретили празднование Рождества, то какие уж тут святочные рассказы <...> Хотя, если присмотреться, эхо святочного рассказа можно обнаружить, например, в повести Гайдара «Чук и Гек», а также <...> в воспоминаниях Бонч-Бруевича «Елка в Сокольниках», где добрый Ленин одаривает детишек конфетами и игрушками, водит с ними хоробыды вокруг елки – вполне себе в стиле деда Мороза.

Святочные истории содержали и многие другие поучительные сюжеты, раскрывающие смысл Рождества и пробуждающие любовь и сострадание в человеческих душах» [11, с. 85].

Парадоксально, но жанр святочного рассказа, трансформируясь и контаминируя с другими, сохраняется и в литературе советского периода, однако претерпевает существенные изменения, связанные с атеистической пропагандой и культом советских вождей: место святого праведника занимает сакрализованная фигура Ленина, о чем подробно пишет Н. Тумаркин в монографии «Ленин жив!». Чаще всего такие рассказы рассчитаны на детскую аудиторию и

предназначены для семейного чтения. В определенной мере рассматриваемый рассказ также относится к этой категории: он был издан отдельной иллюстрированной книжкой в бумажном переплете в 1984 году в издательстве «Советская Россия». Обычно в таком формате выходили книги для детей и юношества.

Выделим составляющие жанра святочного рассказа в произведении К.Г. Паустовского «Старик в потертой шинели», который был написан в период «хрущевской оттепели», после развенчания культа личности Сталина и утверждения новым советским вождем возвращенного культа В.И. Ленина, о чем пишет Н. Тумаркин: «Тысячи новых публикаций о Ленине: биографии, воспоминания, хвалебные очерки – быстро заполнили полки советских библиотек» [12, с. 231]. Рассматриваемый нами текст не является исключением: он имеет кольцевую композицию и написан в форме мемуаров автора-рассказчика – форма, вполне традиционная для жанра святочного рассказа, подчеркивающая установку на истинность происшествя, что отмечала Н. Старыгина [4].

В отличие от рассказов о Ленине, созданных в 1920-е–1930-е годы, действие в которых происходит в период празднования Нового года (*Владимир Ильич пошёл вокруг ёлки, и все за ним* (В. Бонч-Бруевич); *Вот какая была ёлка на самом краю Москвы, в Сокольниках, в 1919 году* (А. Кононов), в анализируемом тексте «перелом» в изображении событий связан с двумя временами года. В летний период герой Паустовского, бывший офицер царской армии, встречается с Лениным и, не осознавая того, обретает надежду на спасение (как написано в стихотворении М. Дудина: *Для всех людей на всей земле Звучит надеждой слово «Ленин»: Сижу я как-то на лавочке и вижу – идет по нашей стороне господин невысокого роста, в черном костюме, в кепи. Идет неторопливо, руки засунул за спину под пиджак и о чем-то, видимо, размышляет*). Именно в этот момент герой получил от Ленина судьбоносную записку, которой рискнул воспользоваться только зимой.

Зимний же период косвенно отсылает к Святым дням – происходит второе рождение / перерождение героя, когда он был признан полноправным членом общества, получил «пенсионную книжку и ордера на питание и одежду и ещё на что-то – не то на дрова, не то на лечение в клинике»¹. Именно зимой Петр Степанович доходит до крайней степени отчаянья. Ему, боевому офицеру, страшна не сама смерть, а такая жизнь: крайне тяжело было унижение, нищенство, на которое он был вынужден пойти. Единственное желание героя в тот момент – стать невидимкой, спрятаться в футляр: *совестно проходим в глаза глядеть*. Даже в крайнем положении страх не дает Петру Степановичу воспользоваться запиской. «А страх – это ничто иное, как проявление влечения к смерти, боязнь жизни, проявляющаяся в стремлении вернуться в материнскую утробу, где было спокойно и безопасно» [13, с. 260]. В ведомстве, куда старик все же отважился пойти, он не решается снять шинель (покинуть футляр) из стыда и страха (*...а как я ее скину. У меня под ней почти ничего нет*). И только уважительное, человеческое отношение к старику вернули его к жизни, избавили от страха смерти, возвратили человеческое достоинство. События, связанные с революциями, не обошли стороной и самого К.Г. Паустовского. Вот что пишет он в начале «Повести о жизни»: *«Только в 1920 году я понял, что нет другого пути, чем тот, который избран моим народом. Тогда сразу же отлегло от сердца. Началось время веры и больших надежд»*.

С мотивом преображения героя связано явление «чудо» – важнейший концепт жанра. Причем зачастую в традиционных святочных рассказах позапрошлого века чудо связано не с фантастикой, не с вмешательством высших сил, а с волей случая. «Во второй половине XIX

¹ Ю. Прохорова отмечает, что уже в святочных рассказах конца позапрошлого века «церковный календарь ... приобретает характер некоторой условности. Мотив христианского праздника отходит на задний план, является своеобразным фоном, на котором решаются трагические судьбы людей» (С. 30).

века появилось множество святочных рассказов, в которых «чудо» как таковое отсутствует. Сюжеты заимствуются писателями из повседневной человеческой жизни, но функции «чуда» выполняет случай. То есть «чудо» оборачивается случаем, с которым в повествование входит интрига. Благодаря такому способу организации действия повествование развивается, разворачивается динамично, упруго, подчас захватывающе, – подчеркивает Е. Душечкина [3, с. 120]. «В святочных рассказах концепт «чудо», явление чудесного проявляется в существовании феномена преобразования духа, внутреннего мира, в изменении характера героев, понимания ими истинных ценностей», – уточняет Е.И. Туйгильдина [5, с. 63]. Многие тексты так называемой «советской ленинианы» (в т. ч. и рассматриваемый нами) сопрягаются с жанром святочного рассказа через мотив «чудесного», таким «чудом» становится случайная или ожидаемая встреча с Ильичем.

Так, в рассказе А. Кононова «Ёлка в Сокольниках» ребята ждут Ленина на ёлке (*На следующий день чуть не с самого утра стали ждать Владимира Ильича Ленина*), а в рассказе «Поездка в Кашино» жители деревни верят, что Владимир Ильич приедет на открытие электрической станции (*Когда всё было готово, послали письмо Ленину – пригласили его на открытие электростанции. Письмо послали, а не верилось: где же Ленину приехать, некогда ему... Всё-таки стали готовиться*).

Герой рассказа Паустовского уже не надеется даже на чудо (*Вечером приду в свой угол, считаю мелочь, медяки – и ничего не вижу. Все туманом застилает*). Именно в состоянии полного отчаяния (что с точки зрения христианства является тяжким грехом) находился Петр Степанович: *«Поверите ли, неоднократно думал о том, чтобы наложить на себя руки»*. Задаваясь вопросом: «Кто это будет помогать офицеру?», герой заранее знает на него ответ. Чудо происходит в том момент, когда человек понимает, что ему уже неоткуда ждать помощи и не на кого надеяться (*чувствую – упаду где-нибудь на улице и околчурюсь*). И только чудесный случай – встреча с В.И. Лениным – приносит облегчение для страждущего. У старика-офицера после встречи с Ильичом *«отлегло от сердца»*, не менее значимой была и его реакция на происходящее после посещения ведомства, где ему назначили пенсию: (*какое-то ведомство – я не разобрал*): *«Я глазам своим не верю»*, – сказал герой.

Только после встречи с Лениным разрешился «неразрешимый вопрос», мучивший героиню из рассказа М. Зощенко «О том, как тетушка Федосья беседовала с Лениным»: *«тётушка получает пенсию и, безмерно счастливая, идёт на базар и там покупает себе сахару, и мануфактуру»* – так описывает повествователь состояние героини после встречи с Лениным. В «Зале с фонтаном» К. Паустовского внимание читателя обращается на то, как толпа ждала появления Ленина и сомневалась, будет ли он выступать перед ними. А после того как Владимир Ильич заговорил, рассказчик описывает сильное впечатление, которое оказали на собравшихся слова Ленина: *«я догадывался, о чем говорит Ленин, по дыханию толпы, по тому, как сдвигались на затылок папахи, по полуоткрытым ртам солдат и неожиданным, совсем не мужским, а большие похожим на бабы, протяжным вздохам»*.

Свершившееся чудо оставляет след в душе тех, кто ощутил его на себе. Так, праздник, описанный В. Бонч-Бруевичем в рассказе «Ёлка в школе», который устроил Ленин в Сокольниках детишкам, *«получился чудесный, и дети после него писали Владимиру Ильичу письма, а он, хотя был очень занят, всегда отвечал им»*. В «Мятеже» К. Паустовский отметил: *«Из всех ораторов я хорошо запомнил только Ленина. И не столько запомнил содержание его речи, сколько его движения и самую манеру говорить <...> Он говорил, а не "выступал", очень легко, будто разговаривал не с огромной аудиторией, а с кем-нибудь из своих друзей. Говорил он без пафоса, без нажима, с простыми житейскими интонациями и слегка грассируя, что придавало его речи оттенок душевности»*. Не может забыть о неожиданной встрече с Лениным и ее последствиях и Петр Степанович. В своем разговоре с рассказчиком он замечает:

«С тех пор всю жизнь его с собой в сердце ношу». С героем происходит духовное перерождение: «Освободил он меня из моей душевной тюрьмы». И он уже сам готов совершать добрые дела, помогать страждущим, нуждающимся, больным: *чтобы, говорил, духовного облика народ не терял.*

Герои рассказов о Ленине, не зная, кто перед ними, рассказывают незнакомцу о самом сокровенном, наболевшем, о чем другим и сказать не решаются. Происходит своего рода «светская исповедь». Так состоялся разговор с Лениным тетушки Федосьи из рассказа М.М. Зощенко. Беседуя с управдомом, героиня задает тому вопрос: «– Как вы думаете, почему Ленин не признался мне в том, что это он и есть Ленин? Управдом немножко задумался и так ей ответил: – Бывают разные люди, мамаша. Одни люди кричат и похваляются: дескать, мы то, мы другое, мы вон какие, намазанные, сухие... А бывают люди, которые не кричат, не хвастаются и ничем не задаются, а просто делают своё дело с превышением. И это есть превосходные люди». Именно незнакомцу открылся и Петр Степанович: «Вот, думаю, есть еще благородные и отзывчивые люди на свете. Не погнушался этот господин знакомством со мной, поговорил с нищим, с бывшим офицером». Герой, как на исповеди, рассказал Ленину о своих страданиях, а тот слушал «очень внимательно», «с такой добротой», что Петр Степанович «даже опешил», попав под обаяние Владимира Ильича Ленина: *тут он откинулся несколько назад и залился таким смехом, что я почувствовал, как заулыбался ему в ответ.*

Чудесная встреча с Лениным и получение от него помощи (спасение от смерти) восходят к сюжету, связанному с Николаем Чудотворцем, чей образ со временем трансформировался в Санта Клауса на Западе и в Деда Мороза в России. Николай Мирликийский прославился не только как чудотворец, но и как благотворитель. В житии говорится, что «рука его была отверста для даяния всякому нуждающемуся»². Он спасал людей не только от бесчестия, но зачастую и от голодной смерти.

Особую роль в рассказе играют имена собственные³. Данная номинация также непосредственно связана с явлением чуда. В чудо верят самые незащищенные: дети, старики, больные. И чудо, если его ждешь и надеешься, что оно случится, происходит – об этом мы узнаем из рассказа М. Зощенко «О том, как Ленин купил одному мальчику игрушку» и из произведений В. Бонч-Бруевича «Ёлка в школе» и А. Кононова «Ёлка в Сокольниках». В рассказе «Старик в потертой шинели» два героя – два Петра: первый – старый, как сам о себе говорит герой и характеризует его рассказчик (*худой старик и с длинной седой бородой; старик непослушными пальцами расстегнул шинель; нет уже ни сил, ни здоровья, ни времени впереди*), второй – больной ребенок, сын Насти, (*ему уже минуло шесть лет, но он почти не умел говорить. Весь день он сидел на дороге, пересыпал пыль из ладони в ладонь и молчал*).

Петр Степанович – одинокий человек, отставной офицер, боящийся жизни, не представляющий своего будущего (*Решил, – ночью окончу эту тягомотину, нет больше возможности за жизнь бороться*), не только на себе испытал чудесное спасение, но и решил посвятить оставшуюся жизнь добрым делам (*Вышло так, что старик наш как почуял, что смерть близится, почитай все деньги отдал на нашу школу. Чтобы, говорил, духовного облика народ не терял <...> И Насте – помните ее – оставил достаточно денег. Очень он страдал об мальчике ее, об Пете. Несчастный больной ребенок, который изначально был обречен (А Петя в прошлый год умер. Не жилец был на этом свете! Не жилец!), был послан матери и Петру Степановичу как испытание их сил и возможностей (образ больного / страдающего и*

² Святитель Николай Чудотворец. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2005. С. 42.

³ О традиционной номинации героев святочных рассказов см. указанную статью Е.И. Туйгильдиной.

умирающего ребенка также характерен для святочного рассказа, стоит вспомнить хотя бы «Девочку со спичками» Г.-Х. Андерсена или «Мальчика у Христа на елке» Ф.М. Достоевского).

Само имя Петр символично и означает «камень». Так звали первоверховного апостола, отрешившегося от Христа, но пережившего глубочайшее покаяние и прощенного Спасителем. Кроме того, апостол Петр был первым, кто признал Христа Сыном Божиим: Именно Петру он говорит: *«Я говорю тебе: ты – Петр. И на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»*⁴ [15, с 18]. Возникает своего рода «рифмовка персонажей» – старик и ребенок. Оба умирают в финале: старик, проживший долгую, трудную, но в своем роде праведную жизнь, и ребенок, безвинный страдалец, по сути, и не живший. Смеем предположить, что оба героя обрели посмертную награду в горнем мире, ощутили живую связь земной жизни с «миром иным». Недаром для Петра Степановича было столь важно сохранение «духовного облика» народа, т. е. сохранение им «образа и подобия» Божия.

Рассказчик, пробыв в Боге несколько месяцев, запомнил именно этих Божьих людей, тогда как встретившись через десять лет с кузнецом деревни, не признал того (*Меня он помнил, но я его никак не мог узнать*). И не случайны размышления рассказчика, в которых он проводит параллель между отношением людей к тем местам, которые вынужден покидать, в которых пребывал какое-то время, и чувствами, которые испытывает мать к своему больному ребенку: *Как бы ни было уныло и неприветливо покинутое место, как бы ни тяготился пребыванием в нем, всегда остается в душе сожаление, а может быть и любовь. Так, должно быть, мать любит своего хилого ребенка, играющего гнилой щепкой. Любит его до стога, до слез – беспомощного, обреченного на одиночество среди здоровых и смешливых детей*. В этой связи стоит сказать об образе кроткой праведницы Насти, матери Пети, значение имени которой «воскресшая», «возрожденная», «бессмертная». Её образ как нельзя лучше укладывается в жанр святочного рассказа, потому что именно Настя воплощает самое лучшее и светлое, что есть (должно быть) в человеке, понимание этого возникает у читателя тогда, когда он обнаруживает контраст между душевным состоянием героини (*Я никогда не встречал существа более кроткого, чем Настя. Каждое ее слово вызывало беспомощность и доброту*) и той ситуацией, в которой она оказалась (*многодетная, но нестарая еще женщина, брошенная мужем*). Безусловным примером праведности Насти является то, что, живя с «огромным, бессловесным и темным горем», не покидающим ее ни на минуту, вызванным мыслями о больном ребенке (*Он у меня больненький, дурачок, глупенький мой*), она не ропщет, не отчаивается, не ищет помощи, а смиренно принимает свое положение, единственное, что может ее вывести из «равновесия», – это угроза, нависшая над Петей.

Символичным является название места, в котором главный герой обрел душевный покой при жизни и после смерти, – деревня Богово. Несмотря на то, что деревня с таким названием существует и поныне и писатель в 1924 году с семьей провел там целое лето, его герой убежден: его привел в Богово «некий просто фантастический случай», которому предшествовало «некое удивительное событие». Для него, бывшего офицера, *«теперь вроде как»* ящурного, это место стало и спасением, и покоем, и надеждой, именно здесь герой собирался «дотянуть» свои дни. По мнению рассказчика, несмотря на то, что Богово – глухая деревня, как и остальные такие же, окружавшие город Ефремов, но все же место в определенном роде примечательное (*Пожив в Богево, я узнал, что недалеко от Ефремова сохранилась усадьба отца Лермонтова, где в рассохшемся доме висит на стене пыльный походный сюртук поэта. Говорили, что Лермонтов останавливался у отца, когда проезжал на Кавказ, в ссылку. Узнал, что на берегу Красивой Мечи охотился Иван Сергеевич Тургенев, а в Ефремове бывали Чехов и Бунин*). Подтверждением особенности, «выделенности» данного места из всех других оказывается тот

⁴ Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. М.: Протестант, 1992. С. 18.

факт, что «в ночи, где <...> находилось Богово и должна лежать беспросветная тьма, светило слабое голубое зарево» – зарево цвета неба, цвета, связанного с горним миром, отсылает к понятию «света не вечернего», т. е. «всегда светлого, незаходящего, вечного»⁵ божественного света.

Не раз в тексте рассказа упоминается и крепость Осовец, комендантом которой был Петр Степанович (*Я сам когда-то был комендантом Осовца, всех этих рукокуев, что норовили мордовать солдат, держал в страхе*). Выбор именно этой крепости как места службы героя оказывается неслучайным. Мы можем предположить, что это испытание, выпавшее на долю героя, не только по тому, что крепость находилась на границе с Польшей и не единожды подвергалась нападению со стороны неприятеля, но и по тому, что, скорее всего, он был участником трагических событий 1915 года – обороны крепости, участником / свидетелем «атаки мертвецов» (в тексте мы не находим видимых подтверждений этому, а руководствуемся только косвенными данными: герой был уволен «в отставку из старой армии в чине полковника»); в разговоре с Лениным он говорит: «Мы, военные, давно знали из секретных приказов, что готовится война».

Еще одной важной символической деталью в рассказе являются портреты. Ни в тексте К.Г. Паустовского, ни в текстах, взятых для сопоставления, определения преемственности и выявления традиций, не говорится об иконах. Речь идет только о портретах, картинах, фотографиях, на которых изображен Ленин. Но функция, заключенная в них, схожа с той, которую выполняют иконы, – это надежда, опора, защита, возможность ощутить поддержку. Светское изображение субституирует сакральное, наделяется религиозным смыслом. Так, в произведении Н.К. Крупской «Владимир Ильич Ленин» находим: «В комнате на стене висит портрет <...> Это Ленин». У М.М. Зощенко в рассказе «О том, как тетушка Федосья беседовала с Лениным» героиня в кооперативе «видит портрет того, с кем она сегодня беседовала», и сожалеет, что не знала, кто это был, а то бы «ему низко поклонилась»; в стихотворении А. Малышко есть такие строки: *Я видал его лишь на портрете В дни, как в школу прибежал юнцом. В старой кепке, проще всех на свете – С просветленным он стоял лицом.* Старик из рассказа К.Г. Паустовского много лет носит портрет Ленина как святыню (*Он развязал тесемку и вынул из бумажника сильно потертый портрет Ленина, вырезанный из газеты*). Так носили ладанки, образки. А когда Петр Степанович впервые видит портрет с надписью «В.И. Ленин (Ульянов)», не может сдержать эмоций: *Господи твоя воля! Портрет-иконка есть и в доме хозяйки, у которой старик снимает угол: Пришёл домой, можно сказать прибежал, и к дочери хозяйской, к комсомолке бросился: «Достаньте мне портрет Ленина. Проверить мне надо одно обстоятельство». Она пошла к себе в комнатушку и принесла газету <...> И в газете – его портрет.*

Таким образом, на основе сравнительно-сопоставительного анализа были рассмотрены традиции святочного рассказа в произведении К.Г. Паустовского «Старик в потертой шинели». В ходе анализа были выделены следующие составляющие святочного рассказа, которых коснулась трансформация: время действия (нет точного упоминания времени, как в традиционных текстах, относящихся к данному жанру; добавляется летнее время года); явление чуда (в отличие от героев ранее созданных текстов, старик из произведения Паустовского не надеется на чудо; чудо связано не столько со спасением, но и с обретением надежды, уверенности в завтрашнем дне; чудо «не оставляет» человека – он уже никогда не сможет о нем забыть; чудо «приходит» в облике незнакомца, который через короткое время становится «близким», «родным»); имена собственные (обращают на себя внимания имена не только главных героев, но и героев второстепенных). Ведущей идейной составляющей святочного

⁵ Краткий церковнославянский словарь. – [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/church_slavonic/невечерний_свет.

рассказа является, по мнению Т.Н. Козиной, земное преображение, изменение жизни героев. В святочном рассказе, в отличие от рождественского, где преобладают христианские мотивы и действуют божественные силы, наблюдается разгул inferнальной стихии, враждебной человеку, отмечает исследователь [7, с. 137]. В рассказе «Старик в потертой шинели» нет ни бесов, ни ведьм, их функцию с успехом выполняют ученики летной школы, не дававшие прохода бедному нищему старику: *«Как завидят меня, повысунутся из окон и ну давай кричать: «Старый хрыч! Скобелев! Музейная редкость!»*. И подобно тому, как нечисть исчезает по молитве святого, так и будущие летчики волшебным образом «преображаются» при виде Ленина, разговаривающего с Петром Степановичем, резко изменяют свое поведение: *Они сразу осунулись, ушли. А вечером прислали с каким-то мальчишкой пачку чая и сахару не меньше фунта*. Главная задача святочного рассказа – преподать читателю нравственный урок, что и делает автор. Нравственная основа жизни важна и для повествующего, и для его героя, что неоднократно повторяется в тексте рассказа (*«Чтобы нравственного облика народ не терял»*). В тексте рассказа отсутствует религиозная составляющая, герой лишь дважды упоминает имя Господа, причем как эмоциональное восклицание, выражающее крайнюю степень удивления (например, увидев в витрине магазина портрет Ленина и узнав, кем был незнакомец, переломивший ход его судьбы: *«Господи! Твоя воля!»*), однако высокий нравственный идеал, явленный в рассказе, абсолютно христианский: любовь, милосердие, бескорыстная помощь ближнему.

Сравнительный анализ фактического материала позволяет прийти к выводу, что трансформации не коснулась такая составляющая жанра святочного рассказа, как портреты (иконы-портреты) – они появляются в прозаических и поэтических текстах, созданных до рассказа К.Г. Паустовского, и в анализируемом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаринов Н.А. Первая мировая война в автобиографической книге «Повесть о жизни» К.Г. Паустовского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные науки, 2016. №2. С. 97–100.
2. Хрящева Н.П., Сухорукова Ю.А. Позднее творчество К.Г. Паустовского: движение к поэтике метапрозы // Уральский филологический вестник, 2012. №1. С. 71–83.
3. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. – СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.
4. Старыгина Н.Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики, 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 113–127.
5. Туйгильдина Е.И. Концепт «чудо» (на примере святочных рассказов Н.С. Лескова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2015. №3. С. 58–64.
6. Туйгильдина Е.И. Способы номинации персонажей в святочных рассказах Н.С. Лескова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2014. №4. С. 85.
7. Козина Т.Н. Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры, 2017. 168(23). 137–144 с.
8. Прохорова Ю.М. Трансформация жанра рождественского и святочного рассказа в ранней прозе А.П. Чехова // Смоленский филологический сборник, 2016. № 8. С. 26–32.
9. Александров Л.Г. От святочного к рождественскому рассказу: эволюция загадочных мотивов в русском журнальном «новогоднем сюжете» // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2009. №2. С. 44–49.
10. Даниленко Ю.Ю. Трансформация жанра рождественского рассказа в современной литературе (Д. Быков, Л. Петрушевская) // Проблемы исторической поэтики, 2014. №12. С. 587–599.
11. Гибизова И.О., Кравчук О.С. Традиции святочного рассказа в современной литературе // Актуальные исследования. – 2020. – №10 (13). Ч.I. – С. 85–88. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://apni.ru/article/828-traditsii-svyatochnogo-rasskaza-v-sovremennoj>.
12. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб, 1997. 281 с.
13. Островских И.Н. Рассказ А.П. Чехова «Человек в футляре»: мотив смерти как возвращение к пренатальному состоянию // Культура и текст. 2004. №7. С. 260–265.

Maryina Olga Viktorovna

Altai state pedagogical university, Barnaul, Russia
E-mail: marina_olvik@mail.ru

Ostrovskikh Irina Nikolaevna

Altai state pedagogical university, Barnaul, Russia
E-mail: irina.ostro@yandex.ru

Traditions of the Yuletide story in the work of K.G. Paustovsky «An Old Man in a shabby overcoat»: comparative analysis

Abstract. In this article, on the basis of a comparative analysis, the traditions of the Yuletide story in the work of K.G. Paustovsky «An Old Man in a shabby overcoat» are considered. In order to identify the traditions of the Yuletide story, the work was carried out, consisting of several stages: the difference between the genre of the Yuletide story and the genre of the Christmas story was determined. The analysis of the theoretical material allowed us to establish that the story of K.G. Paustovsky can be attributed precisely to the genre of the Yuletide story: the leading ideological component of the Yuletide story is the earthly transformation, the change in the lives of the characters. In the study, we compared the image of Lenin, created in works of art, written previously analyzed text, image, disclosed in K.G. Paustovsky and his other literary texts: the secular image transformed in the sacred, endowed with religious meaning. The paper compares the traditional model of the Yuletide story with the genre model of the story «An old Man in a shabby overcoat». In the course of the study were identified components of the model affected by the transformation: action time (no exact mention of time, added the summer), the occurrence of a miracle (a miracle is connected not so much with salvation, but with the acquisition of hope, of confidence in the future), proper names (meaningful names are not only the protagonists, but also minor characters). A comparative analysis of the actual material allows us to conclude that the transformation was not affected by such a component of the Yuletide story genre as portraits (icons-portraits) – they appear in prose and poetic texts created before the story by K.G. Paustovsky, and in the analyzed text.

Keywords: traditions of the Yuletide story; the sacralisation of the image of Lenin; proper names; the concept of «miracle»; the motive of the transfiguration; portraits; the type of narration